

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

**МИФЫ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК
ПРЕДМЕТ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Специальность: 5704.01–Теория языка

Отрасль науки: Языкознание

Соискатель: **Афаг Гасан гызы Гамбарова**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора наук по филологии

Баку - 2021

Работа выполнена на кафедре общего языкознания
Азербайджанского Университета Языков

Научный руководитель: академик
Низами Гулы оглу Джафаров

Официальные
оппоненты: доктор филологических наук, Профессор
Маил Биннет оглу Аскеров

доктор филологических наук, Профессор
Бахар Джумай кызы Джафарова

доктор филологических наук, Профессор
Севиндж Аббасгулу кызы Магеррамова

доктор филологических наук, Профессор
Фидан Афад кызы Каракурбанлы

Диссертационный Совет ЕД 1.06 Высшей Аттестационной
Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики
Национальная Академия Наук Азербайджана Институте
Языкознания имени Насими

Председатель диссертационного совета: академик,
_____ **Мохсун Зеллабдин оглы Нагисойлу**

Ученый секретарь диссертационного совета:
доктор философии по филологии, доцент
_____ **Севиндж Юсиф кызы Мамедова**

Председатель научного семинара: доктор филологических наук,
доцент
_____ **Гюльсум Исрафил гызы Гусейнова**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы и степень изученности исследования. Современная лингвистическая наука имеет длительную историю развития и становления. Проблемы, стоящие перед лингвистикой, решались в соответствии с требованиями времени, и каждый этап в развитии человечества диктовал то направление в развитии науки, которое отвечало бы объективным запросам эпохи и человеческого общества. Как отмечает В.М.Алпатов, *«важнейшей целью создания и развития лингвистических традиций была задача обучения языку культуры, не являвшемуся материнским либо для всех, либо для части людей, находившихся в сфере данной культуры»*¹. Он называет еще несколько важных причин послуживших стимулом для развития новых лингвистических традиций: проблема толкования текстов, изучение основ риторики, развитие национальных лингвистик.

XXI век характеризуется как эпоха глобализации, эпоха интеграции культур – создания единого экономического и культурного пространства, объединяющего различные народы. В свете этого развитие лингвистики как дисциплины, совмещающей различные аспекты изучения человеческого языка в целом и каждого языка в отдельности, весьма актуально. Оно открывает широкие возможности для изучения языка как феномена общечеловеческой культуры и культуры каждого этноса. Когнитивное языкознание являет собой то направление, которое отвечает данным требованиям, позволяет выявить механизмы порождения речи и коммуникации, а также закономерности познавательной деятельности человека. В свете когнитивных исследований языка становится важным выявление структуры связей семантических единиц языка, выражающих универсальные языковые «смыслы» и «алфавит человеческой мысли».

¹ Алпатов, В.М. История лингвистических учений / В.М.Алпатов. – Москва: Языки славянской культуры, – 2001. – с.16

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является универсальный семантический каркас языка, отражающий универсальные семантические смыслы («алфавит человеческих мыслей»), структурирующий мифы и религиозные тексты, а также их лингвокультуральная концептосфера, отражающая национальную культуру, ее особенности, ментальность и этнический опыт. Предметом являются мифы народов мира и религиозные концепты авраамических религий, а также предшествующих им верований.

Проблема когнитивного подхода к языку включает в себя исследование в двух направлениях: *антропоцентрическом* и *коммуникативном*. Антропоцентрическое направление рассматривает язык как отражение ментальной культуры, как средство формирования и сохранения культуры, средство, кодирующее и декодирующее ее семантику. Коммуникативное направление изучает язык как речевой акт, единицу коммуникативного процесса. При этом рассматривается схема «субъект – цель – способ – инструмент – объект – реакция – действие». В соответствии с теми задачами, которые ставит перед собой когнитивная лингвистика, акт вербализации анализируется как речевая модель, включающая в себя неязыковую, экстралингвистическую информацию – знания о мире, цели адресата и установки. Таким образом, когнитивная лингвистика изучает язык и речевую действительность, а речевая деятельность, в свою очередь, рассматривается как форма жизни, как деятельность и отражение действительности.

Основополагающими для формирования когнитивного исследования языка стали труды Э.Б. де Кондильяка, В. фон Гумбольдта, Э.Сепира, Б.Л. Уорфа, У.Чейфа, Ф.У.Боаса, К.Леви-Стросса, М.Элиаде, А.Вежбицкой, Т.А. ван Дейка, В.А.Масловой, В.Н.Телия, А.П.Бабушкина и др.

Когнитивная лингвистика является направлением в языкознании, проявляющим тенденцию к объединению смежных дисциплин – психологии, социологии и культурологии, В то же время она сближает разделы лингвистики – рито-

рику, семантику и стилистику. Ряд вопросов по этим аспектам в рамках когнитивных исследований рассмотрен в трудах азербайджанских лингвистов Ф.Я.Вейсялли, А.А.Раджабли, А.А.Абдуллаева, А.Я.Мамедова, А.И.Мамедбайли, Х.Э.Мусаевой, А. М. Маммедли и др. В них с разных позиций исследованы когнитивные разработки фреймов, метафор и концептов. Большой вклад в область исследования национального, этнического и культурного наследия азербайджанского народа и азербайджанского языка, источников его формирования и становления внесли труды М.М.Сеидова, Н.Г.Джафарова и Ф.Т.Мамедова.

Основная цель исследования заключается в рассмотрении естественного человеческого языка как средства и результат познания мира, имеющего в своей семантической основе совокупность универсальных концептов, мифем, опирающихся на начальные интенции жизнедеятельности человека, а также принятие языка как отражение и характеристику культуры, в рамках которых он функционирует.

Для достижения этой цели были решены следующие конкретные задачи:

1. Выявить основы зарождения когнитивного подхода к языку, как средству познания мира.

2. Изучить архаичные мифы, авторские мифы и мифы, отражающие классовые и социальные влияния эпох разных народов и культур.

3. Рассмотреть основные этические постулаты авраамических религий, выявить их общие духовные ценности, составляющие единую этику человечества, и индивидуальные отличия, оказавшие в дальнейшем дифференцирующее действие на представителей религиозных конфессий и отразившиеся в стереотипном восприятии мира, интерпретации и поведении носителей языка и в языке.

4. Подвергнуть анализу универсальный основополагающий концепт мифов и религий – «узы», имеющий эквивалент во всех языках, а также его культуроспецифические аспекты и концептосферу в языках и культурах.

5. Выявить актуальные во времени и пространстве мифемы, концепты, составляющие «алфавит человеческих мыслей», а также их современные интерпретации и репрезентацию в языках в реалиях сегодняшнего мира.

6. Охарактеризовать «фреймы» и составляющие их ситуационные модели, как элементы национальной культуры, показывающие, что речевой акт следует рассматривать сквозь призму стоящих за ним социальных ситуаций, их когнитивной репрезентации и этнического опыта, являющегося базовым в жизни социума.

7. Провести анализ проблем процесса перевода с точки зрения когнитивной лингвистики.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней мифемы, религиозные концепты, архетипы сознания рассматриваются с лингвокогнитивной точки зрения и с позиции носителя языка как воплощение универсального мифологического мышления и религиозной принадлежности в конкретном языке и его структуре. Впервые на материале конкретных универсальных концептов исследованы и выявлены условия и причины, влияющие на категоризацию мира в различных языках, и определяющие их последующее национальное и культурное своеобразие.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что предлагаемая в нем методика установления универсальных языковых смыслов в разных культурах дает возможность выявить в системе межъязыковой и межкультурной коммуникаций универсальные концепты, необходимые для успешного овладения иностранным языком. Это, в свою очередь, позволяет разграничить культуроспецифические концепты, как концептосферу, отражающую личностные знания и опыт носителей языка, передающихся из поколения в поколение.

Анализ, проведенный в данной работе, дал возможность определить некоторые универсальные человеческие интенции – смыслы, отраженные в мифах и религиозных концептах, а также их когнитивные признаки, аспекты их воздействия на развитие и

становление культуры определенного народа, его язык и общечеловеческий этикет в целом. В этом отношении историко-культурное значение работы состоит в установлении значимых для межъязыковой коммуникации народов точек соприкосновения, языковых универсалий, которые образуют семантический скелет языков и являются основой общечеловеческих ценностей, а также особенностей, которые они приобретают в рамках отдельно взятой культуры, в выявлении способов и мотивов их представленности в языке, т.е. когнитивных признаков.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты позволяют детально и научно обоснованно интерпретировать мифологические и религиозные концепты на языковой плоскости, понять специфические особенности культур народов, основу которых составляет единая человеческая природа, общее бессознательное и естественная человеческая интерпретация, порожденная географическими условиями, этническим опытом, диффузностью культур и другими факторами, и приводящая к различной языковой картине мира.

Источниками исследования послужили мифы разных народов мира, религиозные книги авраамических религий, сказки, притчи и другие эпические произведения.

Методы исследования. В исследовании применены семный анализ, описательный, системно-структурный, типологический и метод аналогии. Поскольку когнитивная лингвистика является логическим продолжением функциональной и структурной лингвистик, которые дополняя друг друга, изучают различные аспекты языка параллельно и создают более объемную картину человеческого языка, совместное применение методов дает более четкие и детальные результаты.

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующих основополагающих положениях. Как известно, первичный вид мышления человека связан со сферой эмоций и практической областью познания окружающей действительности. Согласно выводам исследователей – лингвистов, психологов и

культурологов, процесс порождения речи имел единую схему: интенция – мотив – память – внутренняя речь – речевой акт. Понятие окружающего мира включало в себя первозданную природу, невидимые глазу процессы, которые воспринимались древним человеком интуицией и эмотивно. Принятие данной действительности приводило мысль к аналогиям с природными явлениями и звуками природы, к интерпретации фактов окружающего мира и, соответственно, воспроизведению своего, собственного видения мира в мифах, т.е. к мифотворчеству.

Процесс мифотворчества рассматривается исследователями как первичная степень когнитивной деятельности человека, развивающаяся в архаичном человеческом обществе. Эта степень характеризуется наличием первичных языковых универсалий, необходимых для коммуникации и закрепления опыта деятельности общества. На этом этапе возникают первичные архаичные мифы – ритуальные, космогонические и эсхатологические. Последующая стадия характеризуется созданием мифов, подверженных социально-политическим влияниям, а также мифов с элементами классовой (сословной) направленности. Проходят тысячелетия, небольшой срок, с точки зрения истории, и мифы уступают место религиям, которые на первичной стадии были неразделимы с искусством, правоведением и другими сторонами жизни и быта человека. Со временем единый Творец вытесняет многочисленный пантеон богов древности, в котором разобраться становилось все труднее. На фоне большого количества богов и ритуалов, почитания каждого в отдельности монотеизм с первопродком Адамом и его составляющей Евой, с едиными концептами мироздания и предписаниями являлся четкой схемой для выживания и духовного прогресса человеческого общества.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык каждого народа является средством познания мира и одновременно средством, формирующим языковую картину мира.

2. Глубинные человеческие шаблоны восприятия окружающего мира являются универсальными – когнитивными

и эмотивными. Существует универсальная схема возникновения коммуникативного акта через универсальный семантический шаблон – через «языковые смыслы» одинаковые во всех культурах, составляющий семантический скелет языка.

3. Архаичные мифы, существующие у всех народов и формирующие их этнические особенности, являются результатом когнитивного и эмотивного познания мира и определяют их стереотипное поведение – архетипы и символику. Мифы – средоточие функций языка; миф результат когнитивной деятельности человека в процессе эмотивного познания мира, выполняющий аккумулятивную функцию во времени и пространстве, в процессе коммуникации поколения предков и потомков, целью которого является номинация: миф называет и закрепляет основные универсальные составляющие стороны каркаса человеческого бытия, а значит и семантический каркас человеческого языка.

4. Авраамические религии, рассмотренные в работе, как интегрирующее начало объединяют коллективное бессознательное людей в цельное сообщество единомышленников – монотеистов и одновременно подвергаются этнической интерпретации, в результате чего возникают дифференцирующие признаки культуры народов и религиозных постулатов в рамках национальной культуры, отраженные в языке как культурно-специфические элементы.

5. Национальные концепты являют собой ментальные ядра национальной культуры, сложившиеся в процессе формирования национальной культуры, отразившие когнитивную интерпретацию универсальных мифологических и религиозных концептов. Национальные концепты определяются как концептосфера универсальных концептов.

6. Метафоры, метонимии, аналогии и другие тропы составляют концептосферу универсальных концептов.

7. Универсальные концепты, мифемы – суть первичной человеческой деятельности, интенции, остаются практически неизменными во времени и пространстве, а концептосфера приобретает новые элементы, утрачивая в процессе

жизнедеятельности человека «неприжившиеся» признаки и элементы. Концепты, а именно, «алфавит человеческих мыслей» представляет собой структурированное объективное знание, имеющий репрезентацию в семантических пространствах различных культур и языков.

Апробация работы. Основные положения работы докладывались на семинарах Кафедры общего языкознания Азербайджанского университета языков, на международных и республиканских научных конференциях. По теме диссертации опубликованы одна монография, 33 статьи и тезисов конференций.

Общий объем структурных разделов диссертации в отдельности и общий объем с отметкой. Введение 7 страниц, Глава I 53 страница, Глава II 87 страница, Глава III 76 страница, Глава IV 39 страница, Заключение 6 страница, Список использованной литературы 24 страница. Общий объем 293 страниц – 447,543 знаков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цели и задачи, объект и предмет, методы, теоретическая значимость и практическая ценность исследования, даются сведения о степени изученности темы, об основных положениях, выносимых на защиту, источниках, использованных в диссертации, апробации и структуре работы.

В I главе – “Истоки и причины возникновения когнитивной лингвистики” – рассматриваются основные этапы формирования когнитивного подхода к проблемам языка, традиционные лингвистические воззрения, послужившие базой для становления современной когнитивной лингвистики.

В первом разделе “Языковые универсалии как фактор выявления культуроспецифических единиц языков” на фоне развития когнитивной лингвистики выявляются факторы культуроспецифических единиц языков. Как известно, основы

современной когнитивной лингвистики заложили еще в XVII-XIX вв. Р.Декарт, Г.Лейбниц, И.Г.Гердер и Э.Б де Кондильяк. Они высказывали идею о языковых универсалиях, “алфавите человеческих мыслей”, концептах, которые составляют суть любого человеческого языка. Впоследствии когнитивная наука называет этот “алфавит” метаязыком, и говорит о концептах, их концептосфере в языке, т.е. о культуроспецифичных концептах. Суть сказанного остается неизменной и в современных исследованиях лингвистов-когнитологов: во всех языках есть набор лексем, которые представляют собой структурированное знание, логическую категорию, составляющую каркас жизни человеческого шаблона. Данная логическая категория получает свое название в каждом языке и имеет смысловое ядро, которое в рамках разных культур и языков может обрастать экспрессивной коннотацией, не теряя при этом своих существенных признаков. В XVI в. Э.Бонно де Кондильяк, в XIX в. В.фон Гумбольдт говорили о языке как о воплощении “духа народа”, что, естественно, проявляется через культуроспецифичные концепты или концептосферу языковых универсалий. В дальнейшем больших успехов в этом направлении достигли Э.Сепир и Б.Уорф, которые ввели в лингвистику термин “лингвистическая относительность”. По их мнению, язык и культуру следует изучать как нечто целое. Особую позицию в становлении когнитивной лингвистики занимает Т.А. ван Дейк, который говорит о фреймах, ситуативных моделях как этнических ситуациях, предопределяющих поведение, а значит и речь каждого индивида в рамках культуры, с которой говорящий сам себя идентифицирует и с которой его идентифицируют окружающие. Перекликается данное положение с мыслью Дж.Лакоффа о координате возможных миров, которая прозвучала ранее у Г.Лейбница. Впоследствии озвучил это и А.П.Бабушкин: возможные семантические миры есть отражение ментальности и причина языкового своеобразия.

Во втором разделе – “Процесс порождения речи и речевые акты с точки зрения когнитивной лингвистики” – рассматрива-

ется порождение речи как речемыслительный процесс, который задействует систему абстрактных правил, знание которых складывается не врожденно, как считали представители генеративной грамматики, а складывается в процессе речи во времени и пространстве. Такой же позиции придерживался Л.Витгенштейн, который уподоблял речевой акт игре. Данная позиция сблизила когнитивные исследования лингвистов с исследователями эгоцентричной речи, в частности с Л.С.Выготским. По Л.С.Выготскому, в речевом поведении реализуется языковое сознание, которое предопределяет его особенности. В свою очередь выбор языковых средств и понимание текста выявляет культурное самосознание индивида и социума, так как элементы культуры, которые откладываются в языке, сказываются на речевом поведении. Это значит, что концептуальное содержание языковых единиц в зависимости от коммуникативной ситуации может актуализироваться или сходиться на нет. Особенно четко это можно проследить на примере языка и культуры родственных народов, народов, имеющих общие мифологические представления или профессиональную принадлежность. Именно эти факторы играют определяющую роль при выборе языковых средств, ассоциативного ряда лексем, метафоризации и формировании единиц вторичной номинации языка. Таковы выводы ученых лингвистов-когнитологов, таковыми были и выводы древних философов и мастеров риторики.

Третий раздел называется “Фреймы как национальный концепт в действии”. Как известно, принадлежность слова к определенному семантическому полю дает информацию о характере фрейма, создает рамочную ситуацию. Например, концепт “свадьба” активизирует такие слова, как *сватовство, жених, невеста, кольцо, брак, гости, торжество, любовь, семья*. Таким образом, статическая информация внутреннего лексикона содержит языковые обозначения смыслов и активизируется при воспроизведении – интерпретирует поступающую извне информацию, при этом возникают новые ассоциации, фреймовые: к примеру, если жених и невеста

русские, то, согласно обычаям, в уме проносится слово *горько* и зрительно возникают целующиеся жених и невеста. Если жених и невеста азербайджанцы, то, согласно обычаям, прилюдно максимум проявления нежности – обмен кольцами и т.д. В ситуативных моделях классические представления и соответствующий им набор лексем существуют как базовые, фиксирующие человеческий опыт. Т.А. ван Дейк, анализируя фреймы, отмечают следующее: *«Фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками знания». Во-первых, они являются единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным». Это особенно касается некоторых форм(episodes) социальной деятельности, таких как посещение театра, поездки на поезде, обед в ресторане²»*. Логично сделать вывод о том, что та или иная модель ситуации становится понятной, если мы уже заранее знаем, как ее интерпретировать. Термин «фрейм» был введен в научный обиход в 1974 году американским ученым М.Минским и переводится как «рамка». Фрейм трактуется как сценарий поведения, текст в действии – дискурс. В русской лингвистической традиции отмечают двойкий подход к фреймам: лингвокогнитивный и лингвокультурный. Лингвокогнитивный подход предполагает рассмотрение фрейма как готового культуроспецифического концепта, а лингвокультурный – рассматривает фрейм как каркас концепта. Нам кажется, что идея лингвокогнитивного подхода, который связывает фрейм с определенной культурой и конкретным концептом, наиболее

²Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Москва: Прогресс, – 1989. – с.16.

всесторонне охватывает значение данного термина. Фреймы представляются в виде ментального сценария, которые в рамках конкретной культуры обрастают более конкретными национально-культурными особенностями. Так, «свадьба» – это празднование брака между двумя людьми, она имеет общую концепцию, сценарий – воссоединение, дальнейшее совместное проживание брачующихся, но особенность «наполнения» слотов, составляющих звеньев каркаса данного фрейма, – это культурологический аспект. Каждый народ имеет свой набор слов, отражающий национальную традиционную специфику, связанную с конкретным концептом.

Таким образом, когнитивная лингвистика ориентирована на выявление самых важных для данной культуры концептов, которые реализуются на стыке языкового и неязыкового сознания. С данного аспекта концепты и тропы языка актуализируются в зависимости от коммуникативной ситуации. Это значит, что они могут быть востребованы в зависимости от ситуативной актуализации, а ситуативная актуализация является результатом национально-языковой картины народов и содержит важные, когнитивные признаки этнического мышления, формирующие актуальную для национально-этнического мышления концептосферу. Если концепты языка или архетипы мышления носят общечеловеческий характер и являются универсальными во времени моделями поведения и смыслов, определенных К.Леви-Строссом как «мифемы», то концептосфера базируется в своей основе также на мифологические представления, стоящие у истоков каждой культуры не зависимо от того будет ли она по современным меркам считаться цивилизованной или нет, но будет отражать дифференцирующие национально-этнические особенности культур и ментальность.

Четвертый раздел называется «Риторика – фрейм древних. Особенности организации речи: тропы и их возникновение как отражение культуры». В нем раскрываются мысли, идеи древних риториков о том, как искусство красноречия было и есть мощным средством воздействия на умы, которое

может быть успешным только при правильно подобранных риторических приемах: правильной композиции, образной семантике, необходимости знания духовных и этнических начал слушателя. Это означает выбор метафор, сравнений и других троп, опирающихся на культурологические особенности, порожденные родным мифологическим материалом и религиозными воззрениями. В античном мире метафора воспринималась как средство познания мира, так как чтоб говорить о чем-то необходимо знать его признаки – постоянные, привходящие и другие. Об этом говорили Аристотель, Цицерон, Квинтилиан, Боэций и другие. Метафора и сегодня является предметом исследования когнитивистов, так как познание, по Ф.Ницше, метафорично; она является фактом выявления истинности между новым и старым, между частым и редким. Дж.Лакофф и В.Телия также относят метафору к когнитивному средству, организующему мысль человеческую, оформляющим речь и структурирующим язык. В данной работе дается анализ метафор как средства познания мира, с аспекта, ставящего метафору на одну плоскость с архаичными мифами, являющимися отражением познавательной деятельности архаичным обществом окружающей действительности, так как миф возможен в виде тропов.

В этом разделе анализируются макамы Аль-Хамадани, роман Курбана Саида “Али и Нино”, которые подтверждают мысль о том, что культуроспецифичные концепты реализуются на стыке языкового и неязыкового сознания, и потому рассматриваются как дифференцирующиеся образы и явления, актуализирующиеся в зависимости от коммуникативной ситуации.

II глава диссертации называется “**Мифы**”.

В разделе “Архаические мифы как средство познания и отражение картины мира” представлены различные взгляды философов, ученых на мифы и мифотворчество с древних времен до настоящего времени.

Согласно Аристотелю, любое искусство, любое эпическое, литературное произведение следует рассматривать как средство

познания мира. Существенным при этом является то, что Аристотель характеризует все виды искусства как подражательные, которые различаются лишь *“тем, в чем совершается подражание, или тем, чему подражают, или тем, как подражают, что не всегда одинаково”*. Такой подход позволяет говорить о мифах и других произведениях устного творчества как о средстве познания мира, отражении универсальных проблем человеческого общества и попытке их разрешения. Поскольку к мифам отношение неоднозначное, в работе даются различные трактовки мифов со стороны различных ученых – мифологов, антропологов, культурологов, психологов, лингвистов. Как пишет известный культуролог М.Элиаде, *после 50-ых годов XX века исследования мифов проходят в отличном от XIX века ракурсе – миф рассматривается не как “вымысел”, а так, как его понимали в первобытных примитивных обществах, где миф обозначал, как раз, наоборот, “подлинное, реальное событие и, что еще важнее, событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания”*³.

Второй раздел называется “Архаические мифы как фактор концептуализации”. В нем анализируется механизм зарождения архаических мифов. Приводятся примеры того, как при всей противоречивости подходов и взглядов на мифы исследователи единодушно сходятся в трех пунктах: первый – миф есть отраженное восприятие архаическим человеком окружающей среды, второй – мифы были первыми произведениями, которые создал архаический человек для сохранения накопленной опытом информации. И третий – миф содержит информацию, которая была важной для ее создателей и которая предназначена для передачи от поколения предков к потомкам. Первый пункт предусматривает тот факт, что человеку древнему приходилось реагировать на окружающую его среду, причем реагировать неосознанно и целеустремленно, с точки зрения бинарной оппозиции, т.е. руководствуясь эмотивной подоплекой

³Элиаде, М. Аспекты мифа / М.Элиаде. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, Парадигма, – 2005. – с.11.

осмыслять воздействующий на него мир. Как считают когнитологи, первично этот процесс познания был эмотивным и характеризовался противоположными чувствами: страх – радость, больно – хорошо и прочими чувствами, который и формировал опыт осмысления окружающей среды. Происходила естественная классификация явлений и сопутствующих им ощущений, названий. Означенный выше второй пункт мифотворчества можно объяснить как желание сохранить информацию, полученную опытным путем, т.е. путем прямого контакта с окружающей средой. Конкретной целью мифа могло быть предостережение, повествование о различных природных катаклизмах и причинах их породивших, могла быть попытка объяснить бесконечный циклический круговорот жизни и смерти всего живого в природе, перед которым человек был беспомощным зрителем. А это возможно только через тропы – метафоры и метонимии.

Третий пункт, отмеченный исследователями, предполагает тот неоспоримый факт, что мифы на архаичном этапе единственная форма познания, которая наполнена информацией в помощь для выживаемости архаичного сообщества и которую жизненно необходимо передать во времени и пространстве для поколений. Как пишет М.Элиаде, *“нас интересует, если говорить точнее, не та ментальная стадия, не тот исторический момент, где миф стал вымыслом. В первую очередь мы будем исследовать те общества, где миф является “живым” в том смысле, что он предлагает людям примеры для подражания и этим сообщает значимость человеческой жизни. Понять структуру и функцию мифов в таких традиционных обществах – значит не только прояснить некий этап в истории человеческой мысли, но и лучше понять одну из важнейших категорий современной жизни”*⁴. Безусловно, указанные выше пункты касались только архаичных мифов, которые не испытали воздействия классовых идеологий, социальных и прочих

⁴ Элиаде, М. Аспекты мифа / М.Элиаде. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, Парадигма, – 2005. – с.12.

факторов. Схожи взгляды на исследование мифов известного лингвиста Ф.Боаса: *“Чтобы понять историю, недостаточно знать каковы вещи, надо знать, каким образом они стали таковыми”*⁵. Рассматривая соотношение мифа и языка, К.Леви-Стросс отмечает, что *недостаточно сопоставление мифа с языком, так как “миф есть составная часть языковой деятельности; он передается словами, он целиком входит в сферу высказывания. Чтобы понять специфический характер мифологического мышления, мы должны признать, что миф есть одновременно и внутриязыковое, и внеязыковое явление”*⁶. По его мнению, в отличие от языка миф использует три временные системы, поскольку миф повествует о прошлом, рассказывается сейчас, нацелен в будущее. Он делает два важных вывода: *“1) как и всякий лингвистический объект, миф образован составляющими единицами; 2) эти составляющие единицы предполагают и наличие таких единиц, которые обычно входят в языковые структуры, а именно фонемы, морфемы и семантемы, но по отношению к этим последним они являются тем, чем сами семантемы являются по отношению к морфемам, а морфемы – по отношению к фонемам. Каждая последующая форма стоит на более высокой ступени сложности, чем предыдущая. По этой причине составляющие элементы, характерные для мифов (наиболее сложные из всех), мы назовем большими структурными единицами”*⁷.

Третий раздел называется *“Одинаковые сюжеты мифов народов мира как порождение общественного бессознательного. Архетипы”*. В ней базовыми являются идеи Дж. Кэмпбелла, известного исследователя мифов, согласно которому, мифы образуются *“структурирующей силой”*⁸. Он выделяет пять

⁵ Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К.Леви-Стросс. – Москва: Эксмо-пресс, – 2001. – с.6.

⁶ Там же, – с.58.

⁷ Там же.

⁸ Крапп, К.Э. Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / К.Э.Крапп. – Москва: Гранд; ФАИР-ПРЕСС– 2000. – с.45.

направлений этой силы: 1) сила гравитации, породившая понятия верх и низ, 2) цикл тьмы и света, предопределенный Солнцем и предполагающий определенную модель поведения, 3) Луна, как главная составляющая человеческой жизни, 4) женское и мужское начала, как дополняющие друг друга части единого целого, 5) цикл человеческой жизни, включающий в себя рождение, взросление, старение и смерть. По мнению Дж. Кэмпбелла, мифы создаются подсознанием и обладают сходством архетипов, общих для всех людей, и потому одинаковы темы, сюжеты и символы в разных частях мира у разных народов. Подтверждает это с призмы психологических исследований К.Юнг в своей книге “*Душа и миф. Шесть архетипов*”. К.Леви-Стросс видит отличительную черту мифов от других произведений фольклора в том, что ценность мифа, как такового, нельзя уничтожить даже самым плохим переводом, он все же во всем мире любым читателем будет воспринят как миф. Дело в том, что сущность мифа составляют не стиль, не форма повествования, не синтаксис, а рассказанная в нем история.

По мифам можно воссоздать картину жизни того или иного народа, проследить траекторию приоритетной деятельности народа – кочевничество или земледелие, и выявить климатические и ландшафтные особенности региона, в котором проживали создатели мифа. З.Косидовский, исследующий мифы Месопотамии и библейские тексты, используя научные данные и результаты археологических находок, приводит в пример историю Каина и Авеля: “...*легенда о Каине и Авеле, кажется, порождена исключительно древнееврейской фантазией*”⁹. Конфликт между Каином и Авелем, по мнению З.Косидовского, “*является отголоском конфликтов, возникавших в глубокой древности между кочевыми скотоводческими народами и населением, которое начало вести оседлый образ жизни и посвятило себя земледелию. Древние евреи были в те времена*

⁹ Косидовский, З. Библейские сказания / З.Косидовский. – Ростов-на-Дону: Феникс, – 2000. – с.34.

скотоводами, поэтому Авель, пастырь овец, стал в их сказании любимцем Яхве и невинной жертвой Каина”¹⁰. Если обратиться к мифам зороастрийцев, можно увидеть другую картину. И.В.Рак, исследующий зороастрийскую мифологию, отмечает следующее: “Во времена Заратуштры иранские племена по большинству уже переходили к оседлой жизни, и у таких племен все чаще вспыхивали междоусобицы с теми, кто продолжал кочевье... Очевидно, родное племя Заратуштры тоже было оседлым и тяжело страдало от буйной азиатской скифщины. В “Гатах” превозносится “мирная пастьба”, плодovitый тучный скот; “кто ревностно заботится о скоте, - наставляет пророк, - тот и сам окажется на горных пастбищах Аша Вахишты и Воху Маны”¹¹. В мифах рассказывается о том, как праведный Гайа Мартан, первый человек, “занимаясь самым удобным и любезным Ахура Мазде и самым ненавистным Анхро Майнью делом, пахал землю и ухаживал за быком”¹². Тем самым миф повествует о том, что необходимо для процветания и прогресса общества, его создавшего. З.Косидовский приводит факты того, как лингвистический анализ клинописных табличек показывает, что семитские племена, известные под именем амореев, мигрировали в древности от Персидского залива на север. В результате этой миграции, “смутные воспоминания об этих событиях жили в народе в виде легенд и сказаний, много веков спустя включенных жрецами в Библию”, - поясняет З.Косидовский появления в библейском, религиозном тексте отголосков древних мифов Месопотамии¹³. Того же мнения придерживается и С.Г.Хук – исследователь мифологии и раннебиблейских текстов. В своей книге “Мифология Ближнего

¹⁰Косидовский, З. Библейские сказания / З.Косидовский. – Ростов-на-Дону: Феникс, – 2000. – с.32.

¹¹ Рак, И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. Зороастрийская мифология / И.В.Рак. – Санкт-Петербург–Москва: Журнал Нева; Летний сад, – 1998. – с.180.

¹² Там же, – с.180.

¹³ Косидовский, З. Библейские сказания / З.Косидовский. – Ростов-на-Дону: Феникс, – 2000. – с.91.

